

Татьяна Артемьева, Михаил Микешин

Европейское образование и Россия в эпоху Просвещения

Одним из важнейших способов взаимодействия культур является образование. Образовательные институты, в особенности возникшие в эпоху Просвещения, были не просто связаны с западной культурой, они развивались в одном интеллектуальном пространстве. Университетское образование в России всегда пребывало в контексте европейских традиций. Первые светские научные и образовательные институты – Петербургская академия наук с Академическим университетом и Московский университет – были организованы в соответствии с лучшими моделями европейской науки и высшей школы. У их истоков стояли выдающиеся европейские интеллектуалы. Чтобы понять, как именно совершалась эта взаимосвязь, интересно не просто зафиксировать результат коммуникации, но и рассмотреть сам процесс, показывающий механизмы того, как движутся идеи.

Европейские ученые с мировым именем *приглашались в Россию и помогли создавать систему академических институтов*. Так, например, Г.Лейбниц и Хр. Вольф стояли у истоков создания Российской академии наук и Академического университета. За 1725–1726 гг. Вольф написал около 30 писем по поводу приглашения иностранных ученых, многих из них, например: Л.Эйлера, Я.Германа, Г.Б.Бильфингера и др. – он рекомендовал лично. Когда молодой Эйлер получил приглашение работать в Петербургской академии, Вольф писал ему: «Вы едете в рай ученых, и я ничего не желаю больше, чем того, чтобы Вы в Вашей поездке сохранили

доброе здравие и как можно дольше находили удовлетворение от пребывания в Петербурге»¹. Петербургская академия приглашала на службу выдающихся ученых и политических деятелей или делала их почетными членами. Среди них Хр. Вольф, Вольтер, Даламбер, Дидро, Кондорсе, Кант, Мальтус, Жан-Батист Сэй, Гаусс, Реомюр, Лаплас, Карл Линней, Гёте, братья Гумбольдты, Густав III, Фридрих II и многие другие. Академия таким образом организовывала коммуникационную сеть, оплачивая почтовые расходы своих сотрудников.

Следует отметить, что оплата почтовых расходов как экономическая основа академической коммуникации была основанием множества успешных академических проектов. Так, Б. Франклин на посту почтмейстера Пенсильвании, а потом всех североамериканских колоний сделал бесплатной переписку членам созданного им в 1743 г. Американского философского общества. Этой же привилегией пользовались члены множество российских академических учреждений, что нашло отражение в официальных документах².

Важным способом академической коммуникации были *образовательные туры* («*Grand Tours*»), завершающие воспитание дворян. Они тщательно планировались. Вырабатывался маршрут, включавший в себя посещение важнейших культурно-образовательных центров и сообществ, в наиболее важных центрах делались длительные остановки, завязывались знакомства. Роль координаторов дворянской академической мобильности часто выполняли послы и сотрудники посольств. Вероятно, именно эта часть академических коммуникаций наиболее хорошо изучена, описана и исследована³. Значительным источником для этого являются описания самих русских путешественников, например, «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина.

Иногда молодые дворяне становились студентами европейских университетов. Одним из самых известных был князь Павел Дашков, закончивший Эдинбургский университет (он учился там в 1776–1779 гг.), который его мать, княгиня Е.Р. Дашкова, посчитала наилучшим для образования сына. В эдинбургском салоне княгини Дашковой бывали Вильям Робертсон, Хью Блэр, Адам Смит, Адам Фергюсон. В своих «Записках» она писала: «Я имела удовольствие сблизиться с Робертсоном, Адамом Смитом, Фергюсоном и Блэром. Когда я жила в Эдинбурге, они каждую неделю были у

меня два или три раза, и я столько же удивлялась их познаниям и талантам, сколько скромности и простоте манер. При всем различии своих ученых направлений, при всей самостоятельности и соревновании друг другу, эти почтенные люди жили совершенными друзьями; их обхождение, не имевшее ни тени притворства, их разговор, чуждый всякого педантизма, был поучительный и вместе привлекательный»⁴.

Важным фактором образовательной коммуникации были *служебные командировки* и даже *военные действия*. Так, именно на военной службе завершил свое образование А.Т.Болотов, которому случилось нести ее в Кенигсберге.

Болотов участвовал в Семилетней войне (1756–1763). В 1758 г. он был назначен письмоводителем, а затем переводчиком при канцелярии генерал-губернатора Пруссии Н.А.Корфа в Кенигсберге, где пробыл до 1761 г. Таким образом, он получает возможность провести несколько лет в известном университетском центре. Чем же занимается молодой офицер в прусском городе, завоеванном великой империей?

Все свободное время он использует для систематизации и завершения своего образования, причем образования в самом широком смысле. Он общается с университетскими профессорами, много читает, рисует (по его эскизу отчеканена новая российская монета), переводит, пишет сам, ходит в театр и сам играет в любительских спектаклях. Все прочитанное и услышанное Болотов заносит в специальную книжку. В рукописном отделе Российской национальной библиотеки хранится чистовой ее автограф под названием «Памятная книжка, или собрание различных нравоучительных правил, собственно себе для памяти при разных случаях записанных Андреем Болотовым. 1761, Кенигсберг» (Ф. 89. Болотовы. Ед. хр. 5)⁵. Видно, что над составлением ее молодой человек провел не один час. Записи носят систематический характер. Более того, они снабжены систематическим указателем. В конце приводится «Реестр вещам, находящимся в сей книге», где по алфавиту дан список разделов, например, на «А»: «амбиции иметь не надобно», или на «Б»: «беззакония, иметь отвращения от них». Болотов пишет: «Знай, что каждый тот имя человеческое напрасно носит и во всем скоту уподобляется, который не знает и никогда узнать не старается, что такое он, откуда он, где

он, зачем он, куда он денется. Сим вопросам надлежит первым твоим делом быть, которые не только обстоятельно узнать, но и всегда из памяти не выпускать»⁶.

Болотов не только получает знания, но и пытается сформировать свои душевные качества. «Если чистоту любишь и ее наблюдать похочешь, – отмечает он в своей записной книжке, – то к отвлечению себя и воздержанию от всех плотских грехов лучшейшего средства найти не можно, как только чтоб в то время страсти свои тушить, когда они загорятся, те мысли из головы выбивать, которые до блуда или любовных дел касаются, и сие самое то время чинить, когда они зачинаются, надобно тебе избрать одну какую-нибудь важную материя, которая бы тебя в страх и ужас или задумчивость приводила, и на оную в такое время мысли свои преклонить стараться и сему не можно лучшего сыскать, как вспоминовение величества свойств и совершенств бесконечного существа и свою ничтожность»⁷. Болотов пытается стать философом, но философом «практическим», способным жить в соответствии со своими принципами, а не просто знать, какие бывают принципы. «Тот не философ, который знает философию, но сим именем может тот только по справедливости назваться, который предписуемые ею правила в самом деле исполняет»⁸, – пишет он. Жизнь, лишенная авантюрных приключений, вовсе не кажется Болотову пресной. Он пишет: «Знай, что добродетельная жизнь совсем никакой скуки с собою не приносит, и не слушай тех, которые страшатся сего и ее убягая тебе говорить станут, что добродетельная жизнь наполнена скуками и трудностями. Сие только так говорят, которые никогда добродетельными не бывали, а каждый добродетельно живущий человек тебе совсем тому противное скажет. Добродетели не только не скучны, но и несут в существе своем приятность»⁹. Болотов полагает, что человек сам творит свою судьбу, поэтому осуждает «фаталистов»: «Не меньше опасайся в руки так называемых фаталистов попасться. Тебя уверят, что все приключения на свете неминуемы и ты что бы делать ни стал, но впоследствии с тобою то, чему быть надлежит, следовательно, ты ничем того отвратить не можешь»¹⁰. Возможно, это определенная реакция Болотова на протестантскую идею предопределения, которую он никогда не принимал.

Не следует думать, что молодой человек совсем не принимал участия в соответствующих его возрасту развлечениях. Болотов посещает балы, не пропускает свадеб, на которые кенигсбергские

жителя приглашали всех желающих повеселиться, а особенно рады были видеть у себя в гостях молодых офицеров, среди них, кстати, был и Г.Г.Орлов, с которым у Болотова были приятельские отношения. У него появилось множество друзей из числа местных жителей, которые советовали ему, как лучше употребить свое свободное время, как пользоваться библиотекой, какие книги читать. Не следует удивляться тому, что Болотов стал «своим» в завоеванном городе. Надо отметить, что облик войны был в это время другой, и российских офицеров не рассматривали как личных врагов. Карта Европы перекраивалась каждый год, и переход того или иного города из одной области политического притяжения в другую был обычным делом. Семилетняя война не была войной «за отечество», это была принятая в то время форма внешней политики, которая не обходилась без жертв, как не обходилось без них в то время ни одно крупное государственное предприятие. Несколько позже Карамзин отмечает в «Вестнике Европы» с метафизическим спокойствием историографа: «Как после жестокой бури взор наш с горестным любопытством примечает знаки опустошений ее, так мы вспоминаем теперь, что была Европа <...> Границы государств переместились, и авторы географических карт должны снова начать свою работу»¹¹.

Болотов во всем знает меру. «Гулянья и танцованья» не могли свратить его с избранного пути. «Я старался час от часу делаться постояннейшим и вместо того, чтоб по примеру прочих молодых моих сверстников и сотоварищей гоняться за женщинами, посещать всякий раз трактиры и шататься из гостей в гости, я старался коликo можно от того удаляться и вести жизнь совсем не по летам моим, а прямо философическую <...>»¹². И действительно, Болотов начинает всерьез заниматься философией. Первоначально его увлекает вольфианство, с которым он знакомится по сочинениям И.Г.Готшеда. Это не случайно. Учение Христиана Вольфа давало четкую и ясную схему устройства мира и ясные эпистемологические ориентации.

Однако в его учении было два подводных камня, неприемлемых для российских мыслителей. Это учение о предустановленной гармонии как способе объяснения соединения души с телом и рационалистическое учение о Боге. Российские мыслители предпочитали новейшим сочинениям аристотелевскую концепцию «физического втечения», декартовско-мальбраншевская «система случайных при-

чин» и «система предустановленного согласия» Лейбница-Вольфа казались им некорректными с точки зрения морали, так как делали Бога ответственным за все события и поступки, в том числе осуждаемые с точки зрения морали¹³. Кроме того, им казалось невозможным стремление Вольфа, а позже и других немецких философов делать Бога объектом рационального исследования, предполагавшего, что Метод более универсален, чем Творец.

Болотов довольно быстро понял, что вольфианство входит в противоречие с его важнейшими мировоззренческими принципами. Он отмечает, что «философия сия имела многие недостатки и несовершенства, что самыя основания, на которых все здание оной воздвигнуто, были слабы и ненадежны и что вообще была она такого свойства, что дотоле, покуда человек, прилепившийся к оной, будет только вскользь оной держаться и оставаться довольным тем, что в ней содержится, он может быть и добрым и безопасным, а как скоро из последователей оной кто-нибудь похочет далее простираť свои мысли и углубляться более в существо вещей всех, то всего и скорее может сбиться с правой тропы и заблудиться до того, что сделается наконец деистом, вольнодумом и самым даже безбожником»¹⁴.

Болотов делается сторонником Христиана Августа Крузия, называвшего систематику Вольфа «иллюзорной»¹⁵ и критиковавшего его следование идее предустановленной гармонии. Если Вольф полагает, что виды познания различаются по степени приближения к истине, причем самым совершенным является познание математическое, стоящее выше философского (знание причин явлений) и исторического (знание просто фактов), то Крузий полагает, что философское и математическое познание различаются по объекту исследования. Предметом первого является реальное, предметом второго – мыслимое. Крузий также полагает, что природа Бога принципиально непознаваема.

Он считает, что между материальной и идеальной субстанциями существует некоторая связь. Она описывается им не как «физическое влияние», а как нечто среднее между «физическим» и «сверхфизическим», являющееся результатом действия особой субстанциональной силы¹⁶. Именно эту модель Болотов и использовал в своей пневматологической схеме вместо несколько примитивной и устаревшей аристотелевской.

Крузий говорит о том, что свобода является главной нравственной ценностью, а добродетель – залогом счастья. Эти рассуждения были Болотову очень близки. Он начал посещать лекции Веймана, который читал их тайно у себя в доме, чтобы не раздражать своих коллег-вольфианцев. Таким образом наш герой получил «впервые истинныя и ясныя понятия как о натуре, так и о свойствах и совершенствах божеских, о натуре и о существе всего созданнаго мира, а что всего важнее, о существе, силах и свойствах собственной души нашей. Или короче сказать, спознакомился короче с Богом, миром и самим собою»¹⁷. Уже в старости в диалоге «Старик со внуком» Болотов пишет о влиянии на всю его жизнь «славившегося в то время в Германии великого богослова и философа, которого с новою тогда еще философскою системою, пекущийся о благе моем промысле Господню угодно было меня познакомить, и которая была для меня во все течение моей жизни так полезна, что я не мог довольно возблагодарить за то божеской промысел и Его обо мне всегдашнее попечение»¹⁸, имея в виду, вероятно, именно Крузия.

Оппонентом Веймана по принципиальным вопросам метафизики был «преподаватель мировой мудрости», как он сам называл себя в магистерские годы, И.Кант, работавший в это время в Кенигсберге. В октябре 1759 г. Вейман представил к защите диссертацию «О мире не самом лучшем», выступив в ней с критикой предустановленной гармонии. Кант выпустил антикрузианскую брошюру «Опыт некоторых рассуждений об оптимизме». Вейман принял брошюру на свой счет и выпустил «Ответ на опыт некоторых рассуждений об оптимизме»¹⁹. Правда, в этой полемике участвовал еще «докритический» Кант, позже желавший уничтожить все экземпляры той брошюры. А.Гулыга полагает, что Болотов, обидевшись за своего учителя, содействовал тому, чтобы Кант не получил кафедру, по поводу которой последний, будучи в то время российским поданным, писал прошение императрице Елизавете Петровне:

Всесветлейшая, великодержавнейшая императрица, самодержица всех россиян, всемилостивейшая императрица и великая жена!

С кончиной блаженной памяти доктора и профессора Кипке освободился пост ординарного профессора логики и метафизики Кенигсбергской академии, который он занимал. Эти науки всегда были предпочтительным предметом моих исследований.

С тех пор как я стал доцентом университета, я читал каждое полугодие по этим наукам private лекции. Я защитил публично по этим наукам 2 диссертации, кроме того, 4 статьи в Кенигсбергских ученых записках, 3 программы и 3 других философских трактата дают некоторое представление о моих занятиях.

Лестная надежда, что я доказал свою пригодность к академическому служению этим наукам, но более всего всемилостивейшее расположение Вашего Импер. Величества оказывать наукам высочайшее покровительство и благосклонное попечительство побуждают меня верноподданнейше просить Ваше Имп. Величество соблаговолить милостиво определить меня на вакантный пост ординарного профессора, уповая на то, что академический сенат в рассуждении наличия у меня необходимых к сему способностей сопроводит мою верноподданнейшую просьбу благоприятными свидетельствами.

*Умолкаю в глубочайшем унижении, Вашего Импер. Величества
верноподданнейший раб*

Кенигсберг

Иммануил Кант

14 декабря 1758 г.²⁰

В письме 1809 г. к дальнему родственнику Н.С.Арцыбашеву Болотов пишет о своем пребывании в Кенигсберге: «Скажу, что и мне случилось таки в свой век побродить по обширным степям метафизики <...> и спознаться с системами и мыслями славнейших философов последних веков, а великого или, прямее сказать, бестолкового Канта лично самому видать»²¹.

И, наконец, важным образовательным фактором была целенаправленная деятельность по *отправке студентов в европейские университеты с тем, чтобы подготовить их к научной карьере и государственной службе* наилучшим образом. Одним из первых примеров академической мобильности была отправка в сентябре 1736 г. способных студентов М.В.Ломоносова, Д.И.Виноградова и Г.У.Райзера к Христиану Вольфу в Марбургский университет, чтобы обучать их «химии и горному делу»²². Эти трое были гораздо счастливее своих оставшихся на родине товарищей, которые, жалуясь на то, что их ничему не обучают, подали коллективное прошение в Сенат. Уже в ноябре они получили ответ. И.Д.Шумахер учинил с «жалобщиками» расправу. За дерзость их били «батожем изрядно», хотя и стали все-таки чему-то учиться²³.

Российские студенты, вероятно, понимали, что в Германии они получают уникальный шанс получить хорошее и разностороннее образование. Кроме того, Вольф был прекрасным наставником. Он

регулярно информировал Академию об успехах российских студентов²⁴, заботился и об их личной жизни. Так, в марте 1738 г. он просит И.Д.Шумахера воздействовать на студентов, обучающихся в Германии, с тем чтобы они бережнее расходовали средства²⁵. В мае Шумахер посылает им новую «Инструкцию марбургским студентам» и 300 рублей.

Хр.Вольф во время пребывания М.В.Ломоносова в Марбурге вел занятия по 16 предметам: логике, философии, естественному праву и праву народов, политике, географии, хронологии, астрономии, математике, теоретической физике, механике, оптике, гидравлике, военной и гражданской архитектуре, пиротехнике²⁶. Таким образом, русские студенты могли не только приобщиться к эрудиции знаменитого ученого, но и получить урок энциклопедического взгляда на мир. Именно вольфианская выучка, на наш взгляд, сформировала гений Ломоносова, который одинаково уверенно чувствовал себя как в физике и химии, так и в филологии и истории.

В 1743 г. адъюнкт Г.Н.Теплов был отправлен в Тюбинген и Париж для «усовершенствования в науках»²⁷. Именным указом ему было велено «для дальнейшего и совершенного обучения и усмотрения в чужестранных академиях наилучших порядков и учреждений отправиться в Вюртембергское королевство в город Тубинг, а оттуда в Париж, дабы, возвратясь после четырех или пяти лет, достойным профессором быть»²⁸. В чужие края Теплов поехал не просто как стажер, но в качестве воспитателя младшего брата все-сильного фаворита графа А.Г.Разумовского, Кирилла Григорьевича. Непосредственной обязанностью Теплова было сопровождать пятнадцатилетнего брата фаворита в его путешествии в Западную Европу. Таким образом, в 1743 г. Теплов покидает Россию во второй раз и едет со своим молодым патроном в университеты Тюбингена и Парижа. Путешествие продолжалось три года.

Известна история обучения в Лейпциге группы студентов, среди которых был А.Н.Радищев. В «Житии Федора Васильевича Ушакова» А.Н.Радищев пишет о годах, проведенных в Лейпцигском университете. Группу молодых студентов опекал майор Е.Ф.Бокум, постоянно сокращавший расходы на их содержание в свою пользу. Радищев пишет о серьезном конфликте с их наставником, происшедшем в 1771 г. и заставившем молодых дворян взбунтоваться. Бокум посадил их под арест и собирался отдать под суд. Впрочем,

все устроилось. Глава дипломатической миссии в Дрездене Андрей Михайлович Белосельский, «наш министр», освободил несчастных заключенных своей властью. «Министр, приехав в Лейпциг, нас с Бокумом помирил, и с того времени жили мы с ним почти как ему неподвластные; он рачил о своем кармане, а мы жили на воле и не видали его месяца по два»²⁹. Андрей Михайлович Белосельский покровительствовал Радищеву и даже, когда Радищев кончил курс, рекомендовал его всесильному Н.И.Панину в следующем письме:

Ваша Светлость!

Имею честь рекомендовать Вашему благоволению господина Радищева, истинные достоинства ума и характера которого и способность к делу в особенности заставили меня представить его Вашему Превосходительству и просить Вас, Ваша светлость, оказать ему покровительство. Его судьба была бы совершенно счастливой, если бы он был допущен совершенствоваться при Вашей канцелярии. Он хорошо владеет французским стилем, имеет остаточные познания в немецком и не преминет также вскоре усовершенствоваться и в русском.

Я не позволил бы себе этой вольности, если бы не считал долгом человечности указывать на таланты, только еще раскрывающиеся и заслуживающие поощрения. Я осмеливаюсь заверить Ваше Превосходительство своей честью, что именно в этом положении находится г-н Радищев, и это главная причина, которая заставляет меня столь горячо желать его благополучия.

*Честь имею оставаться весьма смиренный и весьма покорный слуга.
Князь А. Белосельский* *Дрезден 25/14 октября 1771*³⁰

С идеями А.Смита русские познакомились «из первых рук», непосредственно из его лекций. Это были студенты Московского университета С.Е.Десницкий (1740–1789) и И.А.Третьяков (?–1779), посланные для завершения образования в Британию³¹. В Глазго они слушали лекции Адама Смита и Джеймса Миллара, его ученика³². Русские студенты слушали лекции Смита по этике, риторике и праву. Именно оно и стало предметом их докторских диссертаций. Как правоведы они работали и в России уже после завершения образования. Особенного успеха достиг С.Е.Десницкий, заслуживший красноречивый эпитет «отца российского правоведения». В 1768 г., вернувшись из Глазго, он пишет «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи», которое он посвятил Екатерине II. В это время в России работала созданная ею в 1767 г. Комиссия о сочинении проекта

нового уложения. Произведение Десницкого, в котором он пишет о разделении законодательной, судебной и исполнительной власти, написано под влиянием идей Монтескье и его «Дух законов» («L'Esprit des lois»), сочинения лорда Кеймса (Henry Home, Lord Kames) «Принципы справедливости» («Principles of Equity») и, конечно, Адама Смита. Работа Десницкого в свою очередь прямо³³ или косвенно³⁴ повлияла на второе приложение к «Наказу» Екатерины II.

Роль Десницкого в распространении идей Адама Смита в России была достаточно велика. Не исключено даже, что именно его конспект лекций послужил базой для издания «The Wealth of Nations» («Богатство народов») на английском языке³⁵.

М.П.Алексеев, известный исследователь русско-британских связей, писал: «Русские слушатели Адама Смита по Глазговскому университету И.А.Третьяков и С.Е.Десницкий в аудиториях Московского университета излагали его знаменитый труд “Богатство народов” за двенадцать лет до того, как эта книга была издана в Англии»³⁶. Прежде всего это относилось к речи Третьякова «Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств, как у древних, так и у нынешних народов...», произнесенной во время торжественного акта в Московском университете 30 июня 1772 г. и, вероятно, основанной на лекциях А.Смита, слышанных им в университете в Глазго между 1761 и 1764 гг.³⁷.

Просмотрев различные документы образовательного ведомства, например, «Сборник постановлений по министерству народного просвещения», можно найти свидетельства о студенческих перемещениях, более того, эти поездки рассматривались как государственная служба. Однако во многом они были и реакцией на неудачную политику в области высшего образования, попыткой компенсировать неспособность академической системы подготовить преемников.

Примечания

- ¹ Цит. по: *Тиле Р.* Леонард Эйлер. Киев, 1983. С. 26.
- ² См.: Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 1. 1802–1825. СПб., 1875.
- ³ См. обстоятельную библиографию в кн.: *Бекасова А.В.* «Фарос молодых вельмож»: И.И.Шувалов и образовательные путешествия российских дворян // Философский век. Альманах. Вып. 8. Иван Иванович Шувалов (1727–1797).

- Просвещенная личность в российской истории. СПб., 1998; *Бекасова А.В.* «Сыскание наук»: образовательное путешествие графов Николая и Сергея Румянцевых за границу в 1774–1776 гг. // Екатерина Великая: эпоха российской истории. СПб., 1996. С. 288–290. Из наиболее известных можно упомянуть: *Арсеньев А.В.* Первые русские студенты за границей // Исторический вестник. 1881. № 7. С. 544–555; *Баишомон Л.* Цесаревич Павел Петрович во Франции в 1782 г. Записки Башомона [Отрывки] // Русская старина. 1882. Т. 35. № 11. С. 321–334 (<http://mikv1.narod.ru/text/BashomonRS1882.htm>); *Витевский В.Н.* «И.И.Неплюев, верный слуга своего Отечества, основатель Оренбурга и устроитель Оренбургского края». Казань, 1891; Выдающиеся воспитанники Московского университета в иностранных университетах (1758–1771 гг.) // Исторический архив. 1956. № 2. С. 155–183; *Костяшков Ю.В., Кретинин Г.В.* Российские студенты времен Петра I в Кенигсберге // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 174–176; *Кросс Э.Г.* У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII в. СПб., 1996; *Осинов В.И.* Обучение русских академических студентов в немецких университетах // Петербургская академия наук и русско-немецкие научные связи в последней трети XVIII в. СПб., 1995. С. 92–135; *Старцев А.* Русские студенты в Лейпциге // Радищев. Годы испытаний. Очерки. М., 1990. С. 5–92.; *Berelowitch W.* La France dans le «Grand Tour» des nobles russes au cour de la seconde moitié du XVIII-e siècle // Cahiers du monde russe et soviétique. 1993. Vol. 34. P. 193–210; *Okenfuss M.J.* Russian Students in Europe in the Age of Peter the Great // The Eighteenth Century in Russia. Oxford, 1973. P. 133–136; *Stremoukhoff J.* Les russes a Strasbourg au XVIII-e siècle // Revue d'Alsace. 1934. Vol. 81. P. 3–21 и др.
- 4 Записки княгини Е.Р.Дашковой. М., 1990. С. 137. Интересно, что сведения о сближении Дашковой со светилами шотландского Просвещения можно найти только в ее «Записках», никаких других подтверждений этому пока исследователями не найдено.
- 5 Вероятно, именно о ней Болотов пишет в своих мемуарах: «Самую свою памятную книжку <...> переписал я набело и переплел в сие лето, и как была она первая моего сочинения, то не мог я ей довольно налюбоваться» (*Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова. М., 1986. С. 350).
- 6 *Болотов А.Т.* Памятная книжка, или собрание различных нравоучительных правил, собственно себе для памяти при разных случаях записанных Андреем Болотовым. 1761, Кенигсберг (РО РНБ. Ф. 89. Болотовы. Ед. хр. 5. Л. 1 об.).
- 7 Там же. Л. 16–16 об.
- 8 Там же. Л. 49.
- 9 Там же. Л. 49 об.–50.
- 10 Там же. Л. 89–90.
- 11 *Карамзин Н.М.* Всеобщее обозрение // *Карамзин Н.М.* Избр. статьи и письма. М., 1982. С. 78.
- 12 *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова. С. 303.
- 13 См. об этом: *Артемяева Т.В.* История метафизики в России. СПб., 1996.
- 14 *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова. С. 309.
- 15 См.: *Жучков В.А.* Из истории немецкой философии XVIII века (предклассический период). М., 1996. С. 90.

- 16 См.: *Жучков В.А.* Из истории немецкой философии XVIII века (предклассический период). С. 93.
- 17 *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова. С. 342.
- 18 *Болотов А.Т.* Старик со внуком, или разговоры у старого человека с молодым его внуком. Сочинение 84 летнего старика А.Б. в Дворенинове, 1822. БАН. Рукописный отдел. Собр. Болотова, 23–24. Л. 161.
- 19 *Гулыга А.* Кант. М., 1977 (<http://lib.rus21.ru/koi/MEMUARY/ZHZL/kant.txt>).
- 20 Цит. по: *Гулыга А.* Кант (<http://lib.rus21.ru/koi/MEMUARY/ZHZL/kant.txt>).
- 21 Цит. по: *Newlin T.* The Voice in the Garden: Andrei Bolotov and the Anxieties of Russian Pastoral, 1738–1833. Evanston (Illinois), 2001. P. 192. Appendix.
- 22 Летопись Российской академии наук. СПб., 2000. С. 166.
- 23 Там же. С. 183–184.
- 24 Там же. С. 196–197.
- 25 Там же. С. 212.
- 26 См.: *Кулябко Е.С.* М.В.Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.-Л., 1962. С. 44.
- 27 ПФА РАН. Ф. 3. Кн. 75. Л. 42–52.
- 28 Цит. по: Теплов Г.А. // Русский биографический словарь. Суворова – Ткачев. СПб., 1912. С. 471.
- 29 Там же. С. 289.
- 30 Письмо цитируется в переводе, приложенном к фотокопии документа. Оригинал на фр. яз. хранится в АВПр. РНБ. Фонд 624. Ед. хр. 12.
- 31 См.: *Cross A.G.* By the Banks of the Thames: Russians in Eighteenth Century Britain. Newtonville, 1980. P. 98–100.
- 32 См.: *Brown A.H.* Adam Smith's First Russian Followers // *Essays on Adam Smith / Andrew Skinner and Thomas Wilson* (eds). Oxford, 1975.
- 33 *Brown A.H.* S.E.Desnitsky, Adam Smith, and the Nakaz of Catherine II // *Oxford Slavonic Papers*. N.S. Vol. VII. Oxford, 1974. P. 42–59.
- 34 *Kamenskii A.B.* Adam Smith and Catherine the Great // *Philosophical Age*. Almanac 15. Scotland and Russia in the Enlightenment. St. Petersburg, 2001. P. 64–71.
- 35 Ibid. P. 68; *Sacke G.* Zeitschrift f. Nationalökonomie. Bd. IX. H. 3. S. 351–356.
- 36 *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи. М., 1982; Литературное наследство. Т. 91. С. 114.
- 37 Там же.